

Алла ДРАГУНСКАЯ:

Все клуб. — 1993. — 2 дет. — с 4

"Сюжеты "Денискиных рассказов" рождались из жизни нашего сына"

В дом Драгунских я попала подростком. Меня привел сюда мой новый друг Денис познакомиться с мамой и папой. Поразительной красоты мама — Алла Васильевна — и дико остроумный папа — Виктор Юзефович — лучше всего поразили меня тем, что общались с нами совершенно на равных, без всяких скидок на возраст.

По стенам солидно висели Денискины картины, вставленные в застекленные рамы. Он был вундеркинд, и у него к его 13 годам уже прошла персональная выставка. Денис в свое удовольствие учил старославянский и латынь, а также какой-то диалект, если не ошибаюсь, исландского языка (причем на спор).

— Алла Васильевна, как вы познакомились с Виктором Юзефовичем?

— В начале 45-го года в квартире у Александра Галича, который тогда еще был просто Сашей Гинзбургом. Мы с Сашиним братом учились во ВГИКе: он на операторском, я на актерском. Виктор к тому времени работал в Театре киноактера. Он ведь был из артистической семьи, закончил мастерскую Алексея Денисовича Дикого, был артистом Театра сатиры, работал клоуном в цирке... Он был на 13 лет старше меня. С того вечера у Саши мы уже не расставались. Скоро я переехала к нему в коммуналку дома № 15 по Тверской, возле Моссовета. Коня с седком на площадке еще не было, она была очень уютной, фонтан подсвечивался. У нас был балкон, и теперь каждый раз, проходя мимо, я смотрю на этот балкон с тоской.

— Когда Виктор Юзефович «прорезался» как писатель, а не только как автор скетчей и реприз?

— Его друг Юрий Нагибин считает, что писателем Виктор был всегда. А получилось

Отец, писатель Виктор Драгунский, не просто обожал его, но и сделал героем знаменитых «Денискиных рассказов». Именно с легкой руки Виктора Юзефовича пошла шквальная мода на имя Денис. Вспомните, разве была в 60-е годы в Москве хоть одна интеллигентная семья, где не читали бы вслух «Денискины рассказы»? Трогательные или вызывающие гомерический хохот. Но главное — одинаково интересные и большим, и маленьким, задевающие и у тех, и у других что-то глубоко личное... 1 декабря замечательному детскому писателю Виктору Драгунскому исполнилось бы 80 лет.

так, что в 1950 году у нас родился сын Денис. Я до сих пор помню, как Витя прислал мне в роддом стишки: «Опустилась ночь на крыши. Месяц на небе повис. В этот час на Землю вышел свежий, новенький Денис».

— И посыпались «Денискины рассказы»? — Не сразу. Он стал носить их в Детгиз в конце 50-х. Но ему упорно отказывали. Говорили, что это не литература, что так для детей писать нельзя.

— Странно, дико слышать. — Тем не менее. И Витя, вовсе не склонный к депрессии, ходил черным от расстройств. Он же все читал дома друзьям, всем вроде бы ужасно нравилось, все ахали.

— Интересно, кто первый ахнул с практической пользой?

— Юра Тимофеев, главный редактор издательства «Детский мир» (потом его переименовали в «Малыш»). И в 1961 году вышла первая книжка «Он живой и светится». Она имела такой успех, что Тимофеев сказал Вите: «На пятом десятке жизни ты въехал в детскую литературу на белом коне». Художнику Вита-

«ВК» в гостях

лию Горяеву специально давали фотографии Дениса, чтобы на картинках он был похож.

— И насколько литературный герой соответствовал прототипу? Сколько вымысла, сколько правды?

— Денис в детстве действительно был очень ласковый, тонкий, нежный, умница, всем интересовавшийся, какой-то особенный был ребенок. Он, конечно, носил из школы истории одну за другой. Например, рассказ «Тиха украинская ночь» — это про его учительницу географии. «Двадцать лет под кроватью» — тоже реальная история. Иногда кто-нибудь из друзей подсказывал сюжеты. Пришла одна знакомая и рассказала, как она под Новый год два дня соорудила дочери костюм снежинки в расчете на первый приз: тюль крахмалила, звездами расшивала. «И вы представляете, — возмущалась она, — приз дали мальчику, который вышел в обыкновенных папиных рыбацких сапогах, в маминой соломенной шляпе и с нарисованными усами!». «Это же готовый сюжет!» — воскликнул Витя и написал рассказ «Кот в сапогах».

— Неужели и рассказ «Тайное становится

— Интересно, а генерал Драгунский кем приходился Виктору Юзефовичу?

— Да никем! Однажды он пришел в ВТО при всех регалиях, хотел попасть на спектакль «Синей птички». Но билетов не было, и он стал доказывать, что он родной брат Виктора Драгунского. На этой почве они и подружались. Но Витя — из Гомеля, а генерал Драгунский — вовсе из Брянской области...

— Насколько я вспоминаю ваш дом, он у вас всегда гудел, как улей, от гостей.

— У нас двери не закрывались. Я иногда уже стонала в ответ на очередной звонок: «Витя, ради Бога, опять!». Актеры, писатели... Витя всю жизнь очень дружил с Нагибиным. Брунову написал его первый номер для эстрады. Был близок с Абрамом Штейном, Леонидом Зориным, Яковом Акимом. До последних дней, когда многие друзья из-за тяжелой Витиной болезни перестали к нам ходить, за ним буквально ухаживал писатель Володя Тихвинский.

— Чем болел Виктор Юзефович?

— У него была неизлечимая форма гипертонии. Приходил Утесов — они были знакомы еще с довоенных времен. Леонид Осипович сам выводил его погулять в театр «Эрмитаж», рядом с домом. Утесов, кстати, был исполнителем его песни «Теплоход»...

— Да, чуть не забыли: у Виктора Юзефовича же много известных песен...

— В 90-м году я пробила в издательстве «Советский композитор» сборник песен на его слова с предисловием Никиты Богословского. «Березоньку» пел когда-то сам Лемешев. Лядова прославилась «Чудо-песенкой». На Витины слова писал Мурадели — «Новый стрелочник», и Колмановский — «Бабы лето», и Цфасман — «Три вальса»...

— Это замечательная песня: «Ах, как кружится голова, как голова кружится». Помнится, Шульженко блестяще ее пела.

— Витю ценили самые большие мастера. Помнишь фильм «Волшебная сила искусства» с Райкиным?

— Я помню и то, как умирала со смеху, когда Корабельникова исполняла рассказ «Шишки»: фыфи, сыски... И еще — как Виктор Юзефович сам читал по радио рассказ «Главные реки Америки», жутко смешной.

— Представь себе, в Прибалтике этот рассказ сочли неприличным. Там, помнишь, Дениска очень старается запомнить название Миссисипи и старательно отвечает на уроке на вопрос о самой большой реке Америки: «Миси-писи». Прибалты переделали на «Миси-фиси».

— У вас все полки уставлены «Денискиными рассказами». На сколько языков их перевели?

— Их издали практически все республики бывшего Союза. Переводили их и в ГДР, и в ФРГ, в Чехословакию, Польшу, Болгарию, на английский, на испанский. Очень любят в Дании, Норвегии, Швеции.

— А из экзотических стран?

— Вот японское издание... Я получила как-то письмо от премьер-министра Каифу: «Знаете ли вы, что ваш муж очень популярен в Японии? Даже у меня есть ваша книжка...».

Алла Васильевна один за другим показывает мне броско изданные сборники. На обложках мелькают разные Дениски — с ровной темной челочкой или рыжими вихрами, задорно-курносые, конопатые, смешливые, смущенные, но все очень смысленные.

На стене большого рабочего кабинета писателя висит большая фантастическая картина, нарисованная Денисом лет тридцать назад: трое, бросив вдалеке автомобиль, сидят за столом на голы зеленой лужайке и что-то жуют под деревом с геометрической железной кроной. Какой-то будущий век? Она называется «Последние, которые помнят».

Нет, это не о нас, читателях Драгунского. Мы не последние, которые его помнят. И наши дети когда-нибудь в один прекрасный вечер извлекут из глубин шкафа семейную реликвию, может быть, обернутую в газету полувекковой давности, и начнут читать нашим внукам про мальчика Дениску — вечного сверстника Тома Сойера и Вити Малеева, Оливера Твиста и Малыша, дружившего с Карлсоном...

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимках: с сыном Дениской, 1951 г. Актеры «Синей птички» во главе с Виктором Драгунским (крайний справа). Третья справа — Алла Драгунская, 1948 г.

Клоун на елке в Сокольниках, 1947 г.

